

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10557711>

Камалетдинова Камила

*Ташкентский государственный университета Востоковедения
студентка 1-курса магистратуры направления: «Международные
отношения и мировая политика»*

Аннотация: *В статье рассмотрены основные модели межгосударственного взаимодействия на Ближнем Востоке, что позволяет выявить ключевые причины, мешающие созданию эффективных механизмов сотрудничества, способных решить многочисленные региональные проблемы. Особое внимание уделено вопросам безопасности, включая энергетическую и экономическую безопасность стран ближневосточного региона. Отдельно рассмотрена проблема вовлечения Израиля в механизмы межгосударственного взаимодействия в ближневосточном регионе. Делается вывод, что механизм создания эффективных моделей межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке существенно осложнен наличием серьезных региональных проблем, среди которых конфликты на этнической и религиозной почве, отсутствие единого регионального лидера, слабость региональных организаций, вмешательство в дела региона внерегиональных акторов, а также наличие большого количества террористических организаций.*

Ключевые слова: *Ближний Восток, межгосударственное сотрудничество, региональная безопасность, энергетическая безопасность, терроризм, региональное лидерство, Иран, Саудовская Аравия, суннитско-шиитское противоречие, Израиль*

С середины двадцатого века количество государств на мировой арене увеличилось, что связано с распадом колониальных империй и получения независимости бывшими колониями, а затем подмандатными территориями. Как следствие, увеличилось и количество моделей и систем взаимодействий между ними. Э. Милнер определяет межгосударственное взаимодействие, как ситуацию, когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других через процесс взаимной координации политик. При этом, он отмечает, что каждый актор не обязательно помогает другому, но, делая это, он ожидает улучшения своей собственной ситуации, что ведет к взаимной координации государственных политик [12, р. 467]. В данной статье будут проанализированы модели межгосударственного сотрудничества в регионе Ближнего Востока. Следует отметить, что тема, касающаяся моделей

межгосударственного сотрудничества в ближневосточном регионе, является актуальной и с научной и с практической точек зрения. В последние годы, существенные проблемы в сфере региональной экономической и энергетической безопасности на Ближнем Востоке волнуют не только сами ближневосточные государства, но и все мировое сообщество.

В общепринятом понимании «Ближний Восток» это регион, занимающий центральное положение между Европой, Азией и Африкой с географическим центром на Аравийском полуострове. Однако, в настоящее время исследователями используется термин «Большой Ближний Восток» (Greater Middle East), впервые введенный в оборот в 2004 году администрацией Дж. Буша-младшего подготовке к саммиту «Большой Восьмерки»[14]. К Большому Ближнему Востоку относят государства Африки – Алжир, Джибути, Египет, Ливия, Мавритания, Марокко, Сомали, Судан, Тунис, Эфиопия, Эритрея, Южный Судан и Западная Сахара (или же Сахарская Арабская Демократическая Республика), Центральной Азии – Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, Ближнего и Среднего Востока – Бахрейн, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Оман, ПНА, Катар, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, ОАЭ, Йемен, Южного Кавказа - Армения, Азербайджан, Грузия, а также государства Европы – Мальта, Кипр. Итак, модели сотрудничества государств, в частности ближневосточного региона, можно определить, как «формы» межгосударственного взаимодействия, при этом разделяя их на сотрудничество, основанное на международных или региональных соглашениях, и с привлечением и использованием потенциала международных или региональных организаций. При этом стоит выделить ряд факторов, которые оказывают значительное влияние на формирование моделей межгосударственных взаимодействий на современном Ближнем Востоке. В первую очередь это религиозный фактор – а именно преобладание в значительной мере государств, где большая часть или все население исповедует ислам. Но поскольку ислам не един, у него есть несколько течений, сотрудничество этих стран обуславливается часто тем, является ли государство шиитским или суннитским. В последние десятилетия проблема суннитско-шиитского противостояния и вовсе перестала носить характер религиозного конфликта, приобретая характер межгосударственного противоборства, в особенности между Ираном и Саудовской Аравией, что превращает ее в одну из острейших региональных проблем. Преследуя свои национальные интересы, КСА и ИРИ используют существующие религиозные противоречия между двумя основными течениями в исламе, придавая религиозным разногласиям политическую окраску. Таким образом, Эр-Рияд заинтересован в усилении суннитского влияния в регионе и сохранения той региональной ситуации, при которой в большинстве ближневосточных государств у власти будут находиться мусульмане-сунниты, а Тегеран, в свою очередь, стремится к укреплению позиций шиитов или в изменении уже сформировавшегося баланса сил в регионе [5, с. 170].

Вместе с религиозным фактором значительное влияние на формирование блоков силы и объединений оказывает фактор борьбы за региональное лидерство. В настоящее время на Ближнем Востоке исследователи выделяют три государства, претендующих на роль регионального лидера, а именно Турцию, Иран и Саудовскую Аравию. А главными внерегиональными игроками на Ближнем Востоке являются США, Франция, Германия и Великобритания, а также Россия и Китай. Данные государства преследуют различные интересы, проводя свою политику в регионе, и имеют разные, порой даже кардинально противоположные, подходы по решению различных региональных ситуаций (Ирак, Иранская ядерная программа, Сирийский конфликт). Таким образом, наложение друг на друга интересов региональных государств, в совокупности с соперничеством внерегиональных держав также вносит свои коррективы в формирование моделей межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке [6, С. 252]. Другим важным фактором можно считать присутствие и активную деятельность в регионе негосударственных акторов, а именно террористических организаций, прежде всего Исламского Государства, Аль-Каиды, Талибана, а также ХАМАСа, ФАТХа, Хезболлы и др. Парадокс данной ситуации заключается в том, что ближневосточные государства могут считать одни организации террористическими, при этом финансируя другие. И как результат, в случае поддержки, государство может стать политическим «изгоем» для целого региона или ряда недовольных стран (как это произошло с Катаром, когда выяснилось, что он оказывал финансовую поддержку группировкам, связанных с Ираном). Эти факторы вместе с историческими и культурными особенностями ближневосточных государств и определяют принципы формирования моделей взаимодействия между ними. К основным сферам межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке следует отнести в первую очередь, сферу региональной безопасности, экономическое взаимодействие, сотрудничество в сфере энергетической безопасности, включая угрозу нераспространения, а также проблему вовлечения Государства Израиль в различные модели сотрудничества государств региона.

Региональная безопасность. Необходимо отметить, что региональное сотрудничество в области безопасности на Ближнем Востоке никогда не существовало как всеобъемлющее многополярное сотрудничество. Несмотря на историческую и религиозную целостность и общность ближневосточных государств тезис о существовании какой-либо системы региональной безопасности является спорным. Каждое государство имеет свои собственные программы безопасности, внешнеполитические цели и представления, которые затрудняют создание единой региональной системы безопасности. Безусловно, Лига арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества стран Залива (ССАГЗ) продолжают функционировать как субрегиональные системы, в том числе и в сфере безопасности, однако их влияние на сотрудничество в этой области является не таким уж существенным. Следует

подчеркнуть, что в ближневосточном регионе, отсутствует какая-либо легитимная многосторонняя организация в сфере безопасности. Неоднократно предпринимавшиеся попытки создать единую структуру в сфере безопасности так и не привели к какому-либо успеху, будь то Лига арабских государств, Средиземноморский диалог ЕС, Стамбульская инициатива по сотрудничеству и др. Все они имеют серьезные изъяны и не обладают необходимым функционалом возможностей и ресурсов [9]. ССАГЗ долгое время, считавшийся главной опорой системы региональной безопасности, также не является ею в полной мере. Поскольку в первую очередь, включает узкий набор стран-участниц и направлен в основном против Ирана, который в настоящее время играет весомую роль в регионе Ближнего Востока. Кроме того, существующие интеграционные объединения, созданные в основном на базе культурной близости нежели на желании совместного противодействия угрозам безопасности, не являются тем интеграционным механизмом, посредством которого можно найти возможность решать возникающие в регионе проблемы [11, С.127]. Некий толчок к объединению усилий ближневосточных государств дали несколько событий в регионе: война в Персидском заливе и начало арабо-израильского мирного процесса. Война в Персидском заливе, в ходе которой Ирак вторгся в Кувейт, заставила многие государства и негосударственные субъекты пересмотреть свои предпочтения, положение в региональной структуре. Война не только затронула существующие проблемы в области баланса сил и региональной безопасности, но и оказала глубокое долгосрочное воздействие на регион [10]. Вторжение США в Ирак в 2003 году заставило большинство арабских государств выступить против него и отрезало возможности для внешнего сотрудничества. Растущее недовольство режимами среди населения арабских стран резко возросло, так как предпочтения населения в области безопасности заключались в обеспечении экономической и социальной безопасности, в то время как режимы и их сторонники рассматривали сотрудничество между ними и внешними акторами, в первую очередь, США, как способ сохранения своего положения в региональной системе в качестве главного приоритета безопасности [1]. Это привело к тому, что государства стали рассматривать региональные конфликты, как некий индикатор изменений в сотрудничестве в области безопасности. Арабские восстания, начавшиеся в Тунисе в декабре 2010 года и распространившиеся по всему региону в течение 2011 года, глубоко выбили регион из колеи, вызвали падение давно установившихся режимов и привели к глубокой структурной трансформации. Дальнейшее сокращение американского присутствия в регионе создало возможность для местных акторов либо уравновесить, либо поддержать растущие региональные державы Турцию, Иран, Саудовскую Аравию. Трудности в определении регионального сотрудничества в области безопасности после арабских восстаний вызваны многочисленными двусторонними альянсами, как между государственными, так и государственными и

негосударственными акторами. Усиление Саудовской Аравии, создало большой разрыв между КСА и другими арабскими государствами. В противовес Саудовской Аравии был создан и другой альянс сил, во главе с Ираном. На данном этапе становится видна ещё одна проблема безопасности: раскол между шиитами и суннитами. Серьезной проблемой для региональной безопасности Ближнего Востока является отсутствие единого мнения стран региона по ключевым вопросам урегулирования существующих разногласий. Односторонняя ориентация региональных акторов на свои собственные ценности, приоритеты и цели, идущие вразрез с интересами соседей в полной мере усложняет процессы региональной интеграции для совместного решения проблем, влияющих не только на страны Ближнего Востока, но и на весь мир [4, С.30]. Проблема отсутствия единого взгляда региональных акторов прослеживается практически в любой региональной проблеме, делая их урегулирование невозможным, усложняя, тем самым, и без того напряженную обстановку в вопросах региональной безопасности. Отсутствие эффективных механизмов в сфере безопасности порождает еще одну проблему ближневосточного региона, а именно проблему регионального и международного терроризма. Основная сложность в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке заключается в том, что ряд ближневосточных государств используют террористические группировки, пытаясь реализовать собственные политические амбиции и подорвать позиции своих региональных конкурентов. Так, например, большинство группировок разделяются на шиитские движения («Хезболла», «Армия Махди»), которые финансируются Ираном и суннитские движения, которые делятся на салафитские, близкие к «Аль-Каиде» и «умеренные», к которым относятся ХАМАС и другие группы «Братьев-мусульман». Салафитскими группами управляет Управление Общей Разведки Саудовской Аравии, при участии «в поле» офицеров саудовского спецназа. Подразделения «Братьев-мусульман» координируются Катаром, с помощью катарского спецназа. Немаловажно, что основным полем боя шиитских и салафитских группировок в 2014 г. стала Сирия [8]. Одновременно там и в Ливии шли военные действия между конкурирующими суннитскими группами. В Сирии это косвенно помогло правительству, однако конфликт между суннитами и шиитами распространился из этой страны на Ливан и Ирак, угрожая перерасти в большую региональную войну Саудовской Аравии и Ирана. Следует отметить, что исламистский терроризм угрожает не только ближневосточному региону, но и ЕС и США [3]. В 2014 году терроризм стал ключевым дестабилизирующим фактором на Ближнем Востоке, а именно в лице ИГИЛ. По существу, возвышение ИГИЛ – это закономерный процесс, к которому привели множественные негативные тенденции, преобладавших на Ближнем Востоке в последние несколько лет: эскалация шиитско-суннитского противостояния, ренессанс радикального ислама на благодатной почве анархии в Ираке, Сирии, а также ослабление центральной власти и суверенитета большинства государств при полной прозрачности и незащищенности границ [2. С.

102]. Пытаясь побороть террористическую угрозу в лице ИГИЛ, КСА в 2015 году предприняла попытку создания исламской коалиции из 34 мусульманских государств. Однако данная коалиция не показала своей эффективности, а выглядела как очередная попытка Саудовской Аравии еще раз заявить о своих глобальных амбициях, сформировать под своим началом очередную региональную систему коллективной безопасности.

Сотрудничество в энергетической сфере. Другой областью межгосударственных взаимодействий на Ближнем Востоке можно считать энергетику. Углеводороды являются крупнейшим экспортным товаром региона и его валютным ресурсом, поэтому энергоресурсы являются важным фактором социально-экономического развития. Главный механизм взаимодействия в этой сфере остается организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Организация была основана в 1960 году в Багдаде и включает 13 стран, среди которых пять ближневосточных государств – Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Ирак, Иран и Кувейт (Катар покинул данную организацию в 2019 году в связи с дипломатическим кризисом разгоревшемся между Дохой с одной стороны и Саудовской Аравией, Египтом, Бахрейном, ОАЕ и ещё рядом государств с другой) [16]. Главной функцией организации является установление правильной цены, по мнению, стран-участниц организации, за счет регулирования нефтедобычи. Эффективность ОПЕК никогда не ставилась под сомнение с момента основания, но периодические обвалы цен, борьба за лидерство Саудовской Аравии и Ирана в исламском мире и ближневосточном регионе, избыточный экспорт, территориальные конфликты и рост добычи нефти странами, не входящими в картель, заметно снижают роль организации на мировой арене. Кроме нефтедобычи страны ближневосточного региона реализуют планы по расширению использования возобновляемых источников энергии и увеличению своего энергетического бюджета. Для снижения негативного воздействия на окружающую среду и повышения безопасности энергоснабжения создаются различные проекты, такие как RE-ACTIVATE. Это проект, инициированный федеральным Министерством экономического сотрудничества и развития Германии (BMZ), оказывающий поддержку странам-партнерам из региона Ближнего Востока и Северной Африки, в частности Марокко, Тунису и Египту. Согласно проекту, страны получают выгоду от социально - экономических последствий использования возобновляемых источников энергии, уделяя особое внимание трудоемким видам использования энергии [15]. Взаимозависимость энергетической сферы и безопасности на Ближнем Востоке сохраняется в напряженности в отношении контроля над доходами от нефти в курдском регионе Ирака, возвращении Ирана как мировой державы-экспортера нефти и т.д. Недавние попытки США урегулировать арабо-израильский конфликт отразились в деятельности Израиля в энергетической сфере. В октябре 2020 года израильская компания Europe Asia Pipeline Company (EAPC) подписала меморандум о взаимопонимании с компанией из Объединенных

Арабских Эмиратов MED-RED Land Bridge Ltd (MRLB), в соответствии с которым обе компании сотрудничают в области хранения и транспортировки нефти и нефтепродуктов по трубопроводной сети Europe Asia и ее резервуарам из ОАЭ и с рынков Ближнего Востока на Запад, а также из Средиземноморья на Дальний Восток [17]. В итоге, геополитические изменения на Ближнем Востоке, выразившиеся в установлении дипломатических отношений между Государством Израиль, Объединенными Арабскими Эмиратами и Бахрейном осенью 2020 года предоставили определенные возможности для совместных усилий в самых разных областях, включая энергетический сектор.

Проблема вовлечения Государства Израиль в модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке. Израиль традиционно воспринимался, как объект ненависти среди арабских стран и в связи, с чем являлся своего рода сближающим фактором для них. Любая попытка нормализовать отношения с Израилем вызывала гневные протесты со стороны большинства арабских стран. Так, например, случилось с Египтом, который был даже исключен из Лиги арабских государств в 1979 году за египетско-израильский мирный договор. Однако со временем данная тенденция переломилась в сторону нормализации арабо-израильского диалога. Первые предпосылки этому появились в ходе войны в Персидском заливе, когда для представителей арабских стран стало очевидно, что Израиль это не самая серьезная угроза для ближневосточного региона, а большинство проблем вызвано давно назревшими социально-политическими и религиозными противоречиями в регионе. В последние годы ситуация и вовсе кардинально поменялась, что связано с усилением роли Ирана в регионе, который является противником не только аравийских монархий, но и также Израиля. Таким образом, политика иранского руководства поставила Израиль по одну сторону с суннитскими арабскими государствами, которые хоть и осторожностью, но все же предпринимают попытки нормализации отношений с Израилем, понимая, что у них гораздо больше, чем ранее, потенциальных точек соприкосновения и общих геополитических интересов. Важнейшим этапом нормализации отношений с Израилем стало подписание так называемого соглашения «Авраама» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном в августе и сентябре 2020 года. Как уже отмечалось выше, подобное соглашение исходило из точки зрения единства угрозы или вызова, представляемого Ираном, в дополнение к вооруженным палестинским группировкам, которые стороны соглашения классифицируют как «террористические группы». Соглашение «Авраама» - третье соглашение такого рода между Израилем и арабскими странами с момента провозглашения Государства Израиль в 1948 году. Египет открыл путь к нормализации, подписав в 1979 году сепаратный мирный договор с Израилем, но при этом без решения палестинского вопроса, лежащего в основе арабо-израильского конфликта. Организация освобождения Палестины также подписала Соглашение Осло с Израилем в 1993 году, а Иордания подписала мирное

соглашение с Израилем в 1994 году [7, С.166]. Следует отметить, что отношения между ОАЭ и Израилем охватили два десятилетия и приняли различные измерения, включая безопасность, военную, торговую и экономическую области. Управление жизненно важными объектами Абу-Даби, отвечающее за безопасность и охрану, подписало в 2008 году контракт со швейцарской компанией AGT International, принадлежащей израильскому бизнесмену Матти Куча, на сумму 816 миллионов долларов на закупку оборудования. Эта компания предоставила Абу-Даби три беспилотных летательных аппарата для улучшения своих разведывательных возможностей и возможностей обеспечения безопасности. А в 2016 и 2018 годах израильская группа NSO предоставила ОАЭ передовые технологии, которые используются для пиратства мобильных телефонов и шпионажа. На военном уровне ОАЭ вместе с Израилем участвовали в военных маневрах, таких как маневры «Красный флаг», которые представляют собой продвинутые боевые маневры в воздухе под контролем ВВС США, а в 2017 и 2019 гг. ВВС ОАЭ и ВВС Израиля участвовали в военных учениях, известных как «Iniohos» в Греции. Немаловажен вклад США в процесс вовлечения Израиля в механизмы межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке. Так, например, Варшавская конференция 2019 года, под руководством США, явилась важной вехой в ходе урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. Основной целью проведения была нормализация отношений Израиля с арабскими странами, проблема усиления в регионе Ирана, а также терроризм. Ряд исследователей посчитал данную конференцию важнейшим шагом на пути создания своего рода арабо-израильской коалиции против Ирана. Будто бы в подтверждение этому, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху в пресс-релизе отметил, что цель данной встречи состояла в том, чтобы достичь общих успехов в «войне с Ираном». Однако, в последствии, формулировка была заменена на фразу «борьбе с Ираном» [13]. Тем не менее, очевидно, что одним из «скрытых» аспектов соглашений «Авраама» все же является блокировка роста влияния Ирана в регионе. Отношения между Объединенными Арабскими Эмиратами и Израилем основаны на негативном отношении к Ирану, оно частично проистекает из региональных позиций этих двух стран. Иран и ОАЭ рассматривают друг друга как конкурентов за региональное лидерство, и их разногласия отражаются в противоположных взглядах по многим региональным вопросам. Израиль рассматривает иранский режим как «абсолютное зло» и неминуемую угрозу его существованию. С момента начала «неформальных» отношений между ОАЭ и Израилем, обе стороны обменивались разведанными и военными отношениями. Страны работали над повышением своей готовности противостоять иранской угрозе во всех областях.

ВЫВОД

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что на Ближнем Востоке механизм создания эффективных моделей межгосударственного сотрудничества

существенно осложнен наличием серьезных региональных проблем среди которых конфликты на этнической и религиозной почве, отсутствие единого регионального лидера, слабость региональных организаций, вмешательство в дела региона внерегиональных акторов, а также наличие большого количества негосударственных акторов, не подвластных никаким нормам международного права. Модели межгосударственного сотрудничества чаще всего носят двусторонний или блоковый характер, не затрагивают все государства региона, и направлены не на решения угроз регионального масштаба, а лишь на решение проблем той или иной коалиции государств. Соответственно, даже при наличии уже установленных механизмов взаимодействия ближневосточных государств на основе организаций и межгосударственных соглашений, при современных условиях (или же ближневосточной региональной специфики) сложно говорить об их действительной эффективности и жизнеспособности в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Виноградов Р. Ф. Влияние сделки по ядерной программе Ирана на расстановку сил в регионе Ближнего Востока: новый вызов внешней политике США // Управленческое консультирование. 2016.-№4 (88). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sdelki-po-yadernoy-programme-irana-na-rasstanovku-sil-v-regione-blizhnego-vostoka-novyy-vyzov-vneshney-politike-ssha> (дата обращения 1.12.2023).
2. Корольков Л. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015.Т. 13. № 1. С. 97-106.
3. Петросян Д. От боевых организаций к общественно-политическим (на примере ASALA) // Мат. межд. конф. «Терроризм в современном обществе – факторы, аспекты, тенденции» (Кишинев, 29-30 сент. 2001 г.). Кишинев, 2001.
4. Рыжов И.В., Прелов В.В. Проблемы обеспечения региональной безопасности стран Ближнего Востока // Вестник Академии военных наук. 2009. № 2 (27). С. 29-33.
5. Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство // Свободная мысль. 2019. № 1 (1673). С. 169-180.
6. Рыжов И. В., Бородина М. Ю. «Арабская весна» как квинтэссенция межарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(1). С.252-256.
7. Рыжов, И.В. Государство Израиль в системе международных внешнеполитических координат в период «холодной войны»: обзор отечественной историографии// Вестник Нижегородского университета. Выпуск 4. С. 165-170.

8. Сатановский Е.Я. Современное состояние дел на Ближнем и Среднем Востоке. 2014 / Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19516%20-%20more-19516> (дата обращения: 29.11.2023).
9. Сокольски Р., Уири Ф. Уравновесить Иран. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/28384> (дата обращения 5.12.2023)
10. Ejlertsen D. Regional Security Cooperation in Contemporary Middle East, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/326255361_Regional_Security_Cooperation_in_Contemporary_Middle_East (дата обращения 8.12.2023).
11. Heller M. Prospects for creating a regional security structure in the Middle East // Journal of Strategic Studies. 2003. № 26(3). P. 125-136
12. Milner H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics. 1992. V. 44. P. 466-496.
13. Netanyahu appears to say war with Iran is common goal. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/netanyahu-appears-say-war-iran-common-goal-n971266> (дата обращения 5.12.2023).
14. Perthes V. America's "Greater Middle East" and Europe: Key issues for dialogue, 2004. URL: [https://web.archive.org/web/20081115112943/http://www.mepc.org//journal_vol11/0409_per the s.asp](https://web.archive.org/web/20081115112943/http://www.mepc.org//journal_vol11/0409_per%20the%20s.asp) (дата обращения 1.12.2023).
15. Stqrar alттаqat 'am shueur khati biaialman // Brookings Doha energy forum, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Arabic-PDF-4.pdf> (дата обращения 24.11.2023).
16. Taeziz altawzif min khilal alттаqat almutajadidat wakafa'at alттаqat fi mintaaqat alshrq al'awsat washamal 'afriqia-mashrue, 2019. URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/36643.html> (дата обращения 24.11.2023).
17. Taeawun 'iistratijiun fi majal alттаqat bayn sharikat min al'iimarat wa'iisrayiyl, 21 октября 2020. URL: <https://www.alroeya.com/117-81/2172528-%D8%AA%D8%B9%D8%A7%D9%88%D9%86-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%D9%8A%D8%AC%D9%8A-%D9%81%D9%8A-%D9%85%D8%AC%D8%A7%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%B7%D8%A7%D9%82%D8%A9-%D8%A8%D9%8A%D9%86-%D8%B4%D8%B1%D9%83%D8%A7%D8%AA-%D9%85%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%85%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D9%88%D8%A5%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D9%84> (дата обращения 28.11.2023).